

Актер, но не лицедей

Георгию ЖЖЕНОВУ — 90

В «нежном свете» утра 38-го ворота внутренней тюрьмы НКВД на улице Воинова открылись, впустили нового, 605-го заключенного. Им был выпускник эстрадно-циркового училища Жора Жженов. Любимый ученик Герасимова, уже снявшийся в легендарном «Чапаеве» и «Комсомольске». Скрежет закрывающихся ворот знаменовал начало невыносимого «путешествия» по кругам ГУЛАГа, продолвшегося 16 лет...

Возможно, его спас именно театр? Не сразу уцепился за любимую профессию как за соломинку. Она вытасила. Ценой неимоверных усилий сумел попасть в концертную бригаду на Колыме, потом в театральную труппу в Магадане. Первый театр его жизни. Стоит ли удивляться стойкости этого выплавленного ГУЛАГом человеческого материала? Если не раз обманывал смерть (на Колыме его уж прозвали «местный», нежилец, значит). Если научился не отворачиваться от дула пистолета.

Вот почему никогда не был зависимым. Говорят, даже Завадский его побаивался. Но и выгнать не решился. После реабилитации ему не надо было подниматься с колен — научился быть прямым: «На допросах стоял по семь суток, если падал от изнеможения, то за волосы поднимали и опять ставили».

Дважды репрессированный и дважды реабилитированный, прошедший в самом буквальном смысле испытания огнем, водой и медными трубами, сумел сохранить не только жизнь (на зависть долгуе), но себя самого. И потрясающее чувство человеческого достоинства. Среди его наград — «Ника» в номинации «За честь и достоинство». Справедливо.

Вот откуда абсолютный слух к правде. Поначалу никто и не верил, что это артист. В Доме писателей после премьеры «Берегись автомобиля» Рязанова спрашивали: «Где вы откопали вашего гаишника?».

От своего опыта не отказывается. Подобно Габену, играет «из себя». Пару лет назад довольно доходчиво объяснил мне свое актерское кредо: «Ну социальный герой — ампула, что тут поделаешь. Тем более что мне не нравится выдрючиваться. Артистическую деятельность люблю за другое. Не за то, что: а ну-ка прикинься... Меня интересует профессия с точки зрения постижения человека: что там, внутри? Такая премудрость интересует».

Бывшему эзку, отверженному лучше всего удавались роли милиционеров, геройских летчиков, мудрых разведчиков. «Шпион американской разведки» сыграл засланного «резидента» Тульева столь достоверно крупно, что многомиллионная советская страна увидела в нем своего героя. Да и в «Журавушке» его священник был по-человечески слишком притягателен и убедителен... так что эпизоды с ним вели переснять.

Около ста ролей в кино (мало кто знает, что Жженов снимался мальчишкой в массовках «Деткино» в конце 20-х)... и чувство неудовлетворения в остатке: «К сожалению, играл лишь то, что не могли «переварить» Олег Ефремов, Миша Ульянов, Женя Матвеев. Все, на что им времени не хватало, перепало мне. Самым обидным было, ког-



ИТАР-ТАСС

да роль предлагалась, как в «Родной крови»: ты с ней сживался, а в последний момент ее отбирали. Почти все, о чем мечтал, не удалось сыграть. К примеру, Лиознова Татьяна однажды обращается: «Георгий Степанович, начинаю картину «Три тополя на Плющихе». И Доронина Таня, когда я спросила, кого она видит партнером, ответила: «Жженов, дайте ему»... Много таких uitstekших палыцы ролей. Ушла роль Ивана Ивановича в «Белом Биме...» Еще характер, который я почувствовал, который должен был сыграть. Бен в «Последнем дюйме». Осталась записка от режиссеров: «Георгий, не забудь, в среду съемка на «Ленфильме».

Режиссеры картины решили, что Жженов на американца не похож. И тогда в фильме «Вся королевская рать» он сыграл стопроцентного янки. «Слушайте, на «Мосфильме» мы снимали павильон «Белый дом». И пригласили консультантом американца. Ходил, разглядывал на стенах портреты «губернаторов». Соответствуют ли типажно... Мыччал, гмыкал и вдруг показывает. Вот этот — то, что надо. Указывает на единственную русскую физиономию среди вырезок из журнала «Америка». Мое фото...»

Книги он пишет тоже из себя, не прикидываясь. В них — о лагерной жизни, работе в театре и кино. Поразительные рассказы «Саночки», «Омчугская долина», «От «глухаря» до «жар-птицы»... В них меньше отчаяния, чем у Шаламова, больше субъективности, чем у Солженицына. Собственно, проза — продолжение его многолетнего несудного труда «постижения человека, что там, внутри?». Даже своих палачей пытается понять, рассмотреть: где там в заморозенных страной-Колымой сердцах уголок человеческого? Вот отчего Астафьев, Гранин, Солоухин поддерживали его прозу.

В юности восхищался мхатовскими стариками: Грибовым, Станицыным, Ливановым. Потом сдружился с ними. Теперь сам оказался главным стариком театра Моссовета. Сегодня Георгий Степанович занят лишь в одном спектакле — «На золотом озере». Но до сих пор мечтает сыграть Маттиаса Клаузена в гауптмановском «Перед заходом солнца». Театр почему-то не спешит осуществить его мечту...